

Автор представлен членом Художественного совета **Александром Ланиным**

Корыто

Лето. Наполнен невод. Тепло и сыто.
И не беда, что разбито мое корыто.
Что за печаль. В корыте ли старом дело,
Если изба прогнила и почернела.

Мир этот бесконечен. Какого ж черта
В офисной пыльной клетке кропать отчеты,
Слушать собачий брех и нытье скотины.
Жертвовать душу богу святой рутины

И в горизонт с невнятной глядеть тоскою...
Мне бы, мой друг, владычицей стать морской!
Не плесневеть в плену городской ограды,
А разноцветных рыб принимать парады.

Плыть в глубину, соленой дыша водою.
Жирных морских коров повышать удои.
И наблюдать с усмешкой, как кит-философ
Смотрит на хищных чаек и альбатросов.

Строить дворцы из хрупких живых кораллов.
Подданных вызволять из рыбачьих тралов.
И без границ гуляя по глади водной,
Ветру кричать: «Невидима и свободна!»...

Старче, скажи мне, в чем же моя ошибка?
Молча ушла на юг золотая рыбка.
Волны все круче и тяжелее тучи.
Нет золотых чудес и велений щучьих.

Только сквозняк свистит шепотком сердитым:
Глупая, будь довольна своим корытом.
От перелетных птиц – ни пера, ни пуха..

Это неправда. Я еще не старуха.

Ну, здравствуй, собака...

Здорово, собакин, красавец с высоким ай-кью.
Ты чей? И кому твои взмахи хвоста предназначены?
Счастливчик, достоин ли он столь чудесной собачины?
И ценит ли, дурень, лохматую нежность твою?

Я явно не он. Весь твой вид выражает укор.
Ошибочной радости знак – стук хвоста равномерный - стих.
Но все ж удели мне чуть-чуть нерастраченной верности –
Дай рядом присесть и слегка поддержи разговор.

Мой теплый приятель, печаль в твоих светлых глазах
Мне очень понятна. Пускай я двуногий балбес, но я
Такой же, как ты – тоже, в сущности, тварь бессловесная.
Способен понять много больше, чем в силах сказать.

Пушистая морда, мы оба бездомны с тобой,
Хотя обладаем ошейником, будкой и мискою.
И всё, что твое вызывает рычание низкое,
Неблизко и мне. И зовется собачьей судьбой –

Погода, швырнувшая в морду раскрошенный лед,
Колючки в подшерстке и боли привычные, давние...
И это тягучее, словно смола, ожидание –
Когда, наконец-то, единственный нужный придет.

Случайных людишек мельканье в потоке густом
И рук равнодушных трепать по загривку привычка, но
Я, брат, не рычу. Ибо с детства приучен к приличиям –
Я вежливо скалюсь, учтиво виляя хвостом.

Ты чище меня, несмотря на репы и клещей.
Ты честный и смелый. Тебе ли, дружище, печалиться...
Удачи. Пока. Твой хозяин уже возвращается.
А мой.... Не уверен, что он существует вообще.

Торгует Лондон щепетильный...

На заданную пушкинскую строку...

Торгует Лондон щепетильный своей породистой историей.
Туристы бродят по бульварам и копят впечатленья впрок.
Ценю английский строгий стиль, но - я капля Средиземноморьи,
Ее безудержным базаром пронизан вдоль и поперек.
Вхожу в парижи и мадриды, смотрю на римы и венеции
И снисходительные взгляды Европы чопорной ловлю.
Я фрукт особенного вида, впитавший солнце, соль и специи
И вкус вина и винограда, и запах пряных острых блюд.
Здесь добродетели обитель, порядка прочного пристанище.
Здесь правит пряником и плетью цивилизации рука...
А я беспечный южный житель. Я - левантйский вольный каменщик.
Моих камней тысячелетьям - что ваши скромные века!
Торгует Лондон щепетильный не хуже рынка тель-авивского.
Я без разбора покупаю его степенные черты...
И весь свой урожай обильный, и утонченный, и изысканный,
Пропью потом в ирландских пабах на хайфских улочках крутых.

Мой Город

*В.Т.,
Которому я давно обещала рассказать о Моем Городе.*

Над городом моим лежачий месяц.
Под городом моим морская дрема.
Мой город нынче ничего не весит
И не имеет формы и объема.

Мой город - прокаленный, пропыленный,
Без лоска и изысканного глянца –
Стекает по шершавым рыжим склонам,
Как мягкие часы с картин испанца.

С пространством перемешивает время,
Переплетает линии и звуки -
Не помещаясь в рамки измерений,
Доступных здравомыслящей науке.

Мой город пропитался облаками
И запахом подсоленного лета.
Неровных улиц мелкими стежками
Приметан он к поверхности планеты.

Он многокрыл, бесстрашен и беспечен.
И не взлетает только по привычке
Спокойно дожидаться каждый вечер
Меня в неторопливой электричке.

А у меня важнее нет работы,
Чем каждый вечер по дороге к дому
От странного опасного полета
Удерживать мой город невесомый.

Я помню

Я помню всё. Мой мир был очень молод
И очень мал. Глухой заросший дворик.
Панельный дом. Всегдашний книжный голод.
Плакатный слог восторженных риторик,

Вошедших в плоть и кровь. Кусты сирени,
Исправно расцветавшие к июню.
И мудрость прописных нравоучений,
Обычно пропадающая втуне.

Велосипед, коньки, качели, санки.
Грибная осень. Сказочное лето.
И уголки обкусанной буханки –
Куда вкусней, чем торты и конфеты.

И девочка с неведомой планеты –
Нескладный, неуверенный подросток –
Рассматривала мир веселый этот
Застенчиво, доверчиво и просто....

Я вспомню много, если постараться.
Пьянящий вкус влюбленности и воли.
Безбашенное искреннее братство,
Умевшее летать без алкоголя.

Пирушки в день стипендии в пельменной.
Ошибки. Расставания. Упреки.
До странного большие перемены.
Не менее масштабные уроки....

Я помню очень мало... Хоть чуть-чуть бы
Припомнить мне, как в суете сомнений
Лепились пластилиновые судьбы
Несудьбоносных наших поколений.

Законы сохранения вселенной
Работали без скидок на усталость.
И что-то в нас стиралось постепенно,
Пока другое что-то добавлялось.

Застенчивая девочка пропала
В каком-то мире перпендикулярном.
Эпоха волшебства и карнавала
Сменилась веком денежно-товарным...

Часы стучат размеренно и чётко...
И смотрит из зеркальной рамки жесткой
Усталая насмешливая тётка
С глазами удивленного подростка.

ОЗ

Не верьте ни реестрам ни сметам.
Всего и есть в пространстве жилом –
Они, обогащенные светом,
И мы, отягощенные злом.
Прекрасны их воздушные крылья,
Непостижима их высота.
Не то, что наша поступь гориллья
С поджатым рудиментом хвоста.
Вздыхает обреченно планета
Под нашей грубой плотью немой.
И свысока носители света
Глядят на нас, нагруженных тьмой.
И то сказать – мы ниже и хуже,
С какой вершины ни посмотри.
И тьма, что нас сдавила снаружи -
Ничто пред той, что жжет изнутри.
Рабы рубанка, молота, плуга,
Планету выгрызаем до дна.
Во всем, что было – наша заслуга.
Во всем, что будет – наша вина.
Земные, словно корни растений,
Запутались, сплелись, проросли.
А тех, крылатых, легкие тени
Следов не оставляют в пыли.
Они не знают скверны и бездны,
Неведом им ни страх, ни кураж.
Чисты, нежны, светлы... Бесполезны,
Как всякая прекрасная блажь.
А нам небес пустынных не надо.
Мы путь свой немудреный прошли,
Не оторвав железного взгляда
От черного магнита земли.
Но, выбравшись однажды наружу,
Взлетят, пробив небесное дно,
В такую высь чумазные души,
Где тем, крылатым, жить не дано...